

**Михаил
Карпов**

Пыль старого Пекина

Старый Пекин уходит, исчезает на глазах, и всё чаще ловишь себя на том, что теряется эмоциональное восприятие прежней атмосферы этого удивительного города...

Эти строки, написанные в 2002 г. тридцатипятилетним китаистом, могут, конечно, вызвать и недоумение, и даже усмешку. В самом деле, откуда ему, впервые попавшему в столицу Китая на студенческую стажировку всего двенадцать лет назад, знать, каким был старый Пекин и какова была его атмосфера? Да и вообще – что такое «старый Пекин», стал ли он на самом деле «новым» и если да, то где пролегает это временное, территориальное и духовное деление между первым и вторым?

Известный британский прозаик Джеймс Олдридж в своей книге «Каир. Биография города» писал: «Во всяком случае, для розысков Каира быть археологом не так уж нужно. Куда полезнее знакомство с мелодрамой. События, составившие семь актов сотворения города, зачастую настолько фантастичны и неправдоподобны, что документальное изложение их ничего бы не доказало... Подлинный же характер города всегда был чрезмерно экзотическим». Замечание Олдриджа кажется мне уместным здесь в том смысле, что далеко не всегда документально подтверждённое прошлое Пекина неизбежно и естественно компенсировалось личными впечатлениями и воспоминаниями самих пекинцев и приезжих. Так что у каждого был и есть «свой Пекин», причем динамика такого субъективного восприятия вполне может зачастую носить некоторый налёт мелодрамы.

Михаил Владимирович
Карпов – кандидат
исторических наук, доцент
Института стран Азии и
Африки при МГУ.

Стены, улицы, переулки

И всё же, что такое «старый Пекин»? Пекин до маньчжурского завоевания в 1644 г. или Пекин до «опиумных» войн середины XIX в.? Или, может быть, Пекин республиканского периода до прихода к власти Китайской компартии в 1949 г. и накануне крупномасштабной реконструкции города в середине 50-х? Знакомая с литературой, приходишь к выводу, что в восприятии профессиональных историков, краеведов-любителей и журналистов «старый Пекин» ассоциируется, прежде всего, с внешним обликом города и всем комплексом городской культуры конца XVII, XVIII, XIX и первой половины XX столетий. С историко-хронологической точки зрения, это Пекин периода правления маньчжурской династии Цинь и – после революции 1911 г. – национал-республиканской партии Гоминьдан вплоть до победы китайских коммунистов в гражданской

войне 1946–1949 г. Осуществленные последние социально-экономические мероприятия, а также начатая радикальная перепланировка города, не только сопоставимая, но во многом превзошедшая сталинскую реконструкцию Москвы, явились началом конца старого Пекина. Завершение этого процесса, судя по всему, приходится на наши дни...

Известный исследователь и интерпретатор китайской духовной культуры Владимир Малявин писал о китайском городе: «Этот грандиозный памятник... не имеет чёткого физического воплощения: ни дворца или крепости, обозначающих городское ядро, ни вообще какого-либо фокуса планировочной среды. Не город-община, а город-толпа: море одинаковых, не слишком выразительных, приземистых – одноэтажных, редко двухэтажных – зданий, огороженных высокими глухими заборами: каждый дом – крепость, ибо каждая семья – государство... Тайна китайского города – не концентрация воли и мудрости племени, а расплывание, рассеивание городского пространства...».

Откровенно говоря, мне трудно целиком принять такое суждение о городской культуре Китая. Возможно, в большей степени оно относится к южным и юго-восточным районам страны. К Пекину же – «Северной столице» в переводе с китайского – данная цитата вообще вряд ли приложима. Да, одинаковые, не слишком выразительные и приземистые строения, да, каждый дом – крепость, а каждая семья – государство. Но никакого расплывания пространства, никакого рассеивания воли и мудрости. Физико-архитектурное выражение этого – стены. Стены дворов, стены кварталов, стены различных секторов города и наконец – главная стена, политико-географически отделяющая город от «не города». Город – сам по себе не община и не толпа, а скорее община-государство, ибо

воля и мудрость семьи-государства, сконцентрированные в стенах двора-крепости, являются прообразом воли и мудрости Государя и Государства, сконцентрированных в стенах явственного фокуса планировочной среды – Запретного и Императорского секторов города. Двор-крепость семьи отделён от двора Государя, но составляет территориальное, культурное и духовное единство с ним в рамках общего замкнутого городского пространства.

Старый Пекин состоял из четырёх секторов. Первый – духовно-политико-архитектурный фокус города – Запретный город (ныне всемирно известный историко-культурный музей под открытым небом Гугун) – бывшая личная резиденция императора, его родственников и близких. Запрет-

ный город был окружён выкрашенными в красный цвет мощными каменными стенами и обрамлён неглубоким каналом. Всё это сохранилось до настоящего времени.

Второй городской сектор – Императорский город – место расположения основных правительственных учреждений, жилых кварталов высших государственных чиновников и служб технического обеспечения двора и правительства. Императорский город начинался сразу же за стенами Запретного, по площади значительно его превышал и был, в свою очередь, ограждён каменной стеной красного цвета с четырьмя въездными воротами по периметру, не имеющей фортификационного значения и скорее напоминающей высокий забор.

За стенами Императорского города располагался Внутренний город – место жизни и деятельности основной массы горожан. Этот сектор – самый большой по площади – был обнесён мощными стенами-укреплениями серого камня с семью башнями-воротами со сторожевыми постами, представлявшими собой, в сущности, главные городские защитные сооружения.

За ними и несколько к югу от Внутреннего города лежал Внешний город, который иногда сравнивают с посадскими поселениями в европейских странах. Раз-

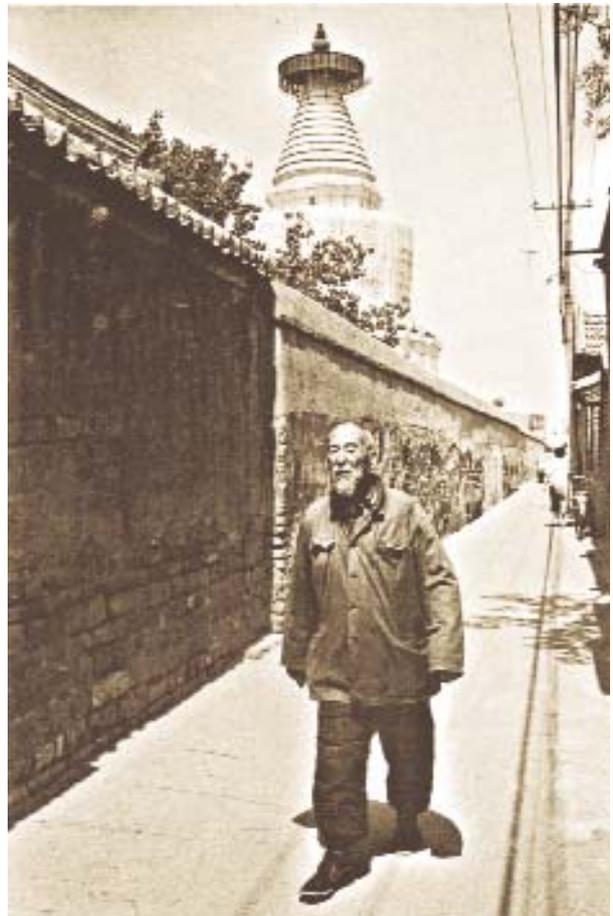
ного пространства, разделённого внутри стенами или террасами и окружённого глухой высокой стеной, чтобы с улицы было невозможно увидеть и услышать, что происходит внутри. И в наши дни, если вы передвигаетесь по сохранившимся ещё районам старого Пекина пешком или на каком-либо виде транспорта (лучше всего на велосипеде), вашему взору предстают бесконечно тянущиеся стены и возвышающиеся над их краями крыши построек во внутренних дворах. Стены, как правило, серые, а вот крыши могут быть очень разными по окраске – от золотистых, зелёных или глянцево-чёрных черепичных до обыкновенных металлических или шиферных...

Улицы и переулки старого города, идущие вдоль

лица состояла, однако, в том, что Внешний городской сектор Пекина был отделён от «не города» земляным валом – тоже своего рода стеной, имеющей оборонительное значение и девять въездных ворот по периметру.

Но это еще не всё о стенах. Территории Императорского, Внутреннего и значительной части Внешнего секторов были сплошь застроены городскими усадьбами разного размера, но неизменно прямоугольной формы, тоже окружённых, как правило, серыми кирпичными или глинобитными стенами. Внутри каждой такой усадьбы, где проживали одна или несколько (но обязательно родственников) семей, имелась своя структура расположения помещений и открытого пространства, обычно также разделённого стенами на внешний и внутренний дворики. В крупных и богатых усадьбах могли располагаться небольшие парки в традиционном стиле с беседками, террасами, прудами.

Подавляющее большинство храмовых комплексов старого Пекина (вне зависимости от конфессиональной принадлежности, за исключением, естественно, христианских, которые появились позднее) также возводились по принципу ориентированного по сторонам света прямоуголь-

всевозможных стен – усадебных, квартальных, городских – до сих пор в просторечии имеют специфическое название *хутун*. Слово это, скорее всего, монгольского происхождения. Пекин как крупный культурно-политический центр Китая исторически возник на границе собственно китайской осёдлой земледельческой цивилизации и цивилизации кочевой, широко представленной здесь степными народами Монголии, Маньчжурии и Забайкалья, и столицей империи город впервые стал при монгольской династии Юань в XIII в. По одной из наиболее распространённых версий, хутун означает пространство, где есть колодец с водой. В некоторых хутунах вполне могут разехаться автомобили, а в некоторых не разойдутся и двое людей. Так или иначе, но эти улицы-переулки всевозможной длины и ширины, точное количество которых не известно до сих пор и на которых происходила вся публичная жизнь города, стали неотъемлемой частью облика старого Пекина.

Всеобъемлющая прямоугольная и ориентированная по сторонам света планировка города вызвала к жизни любопытное явление, сохранившееся в жизни пекинцев до сих пор. Объясняя вам, как добраться до нужного места, местный житель не станет употреблять привычных европейцу «направо» или «налево», а будет оперировать категориями «север», «юг», «восток», «запад».

Выселение – подселение

Масштабная реконструкция древнего города, запланированная новым руководством страны, началась в середине 50-х гг. XX столетия с ликвидации комплексов городских стен. Валы Внешнего сектора были скрыты, а каменные укрепления Внутреннего – полностью разобраны. Сохранились лишь некоторые из ворот-цитаделей, например, Дэшэнмэнь – Ворота Победы Морали и Аньдинмэнь – Ворота Установления Спокойствия на севере и Цяньмэнь – Передние Ворота на юге. Ныне они скорее напоминают башни, чем ворота, сиротливо возвышаясь на обочине автомобильных магистралей. Между тем топонимика современного Пекина сохранила названия ныне утраченных въездов в город и участков стены. По периметру бывших стен Внутреннего города пролегло так называемое второе транспортное кольцо, а значительная часть протяжённости третьего транспортного кольца проходит примерно по линии валов Внешнего сектора.

Стены бывшего Императорского горо-

да были полностью разрушены с трёх сторон. Всемирно известная площадь Тяньаньмэнь – историко-политический символ Китайской Народной Республики – приобрела нынешние масштабы и положение в результате сноса стен Внутреннего и Императорского секторов города именно в том месте, где они наиболее близко подходили друг к другу. До наших дней сохранился лишь незначительный кусок южной стены Императорского города, идущий вдоль центральной магистрали современного Пекина Чанъаньцзе – проспекта Вечного Спокойствия. Сохранились также главные ворота Императорского города, находящиеся ныне в южной части Тяньаньмэнь.

Дошла очередь и до переулков-хутунов с их многочисленными городскими усадьбами. Перемены начались с выселений и подселений. Выселяли, как правило, элемент «политически ненадёжный» и «социально чуждый», подселялись те, кому не хватало жилья в других районах Пекина. На территории одной относительно круп-

ной городской усадьбы теперь могло совместно жить до десятка уже не родственных семей, как правило, с различным социальным опытом и уровнем общей культуры. Такие социальные изменения повлекли массовую перестройку как внутренних дворов усадеб, так и жилых строений – возведение дополнительных разделительных стен-перегородок, разрушение бесполезных с чисто утилитарной точки зрения сооружений – беседок, павильонов, террас, а также вырубку деревьев.

Политика подселения коснулась не всех городских усадеб. Во многих из них разместились различные административные учреждения. Те усадьбы, что имели историческую ценность или отличались крупными размерами, были превращены в музеи, парки или отданы в распоряжение некоторым партийно-государственным деятелям, видным представителям интеллигенции, поддержавшим новую власть. Так, Сун Цинлин – Почётный Председатель КНР, вдова лидера революции 1911 г. Сунь Ятсена, пережила за трёхметровой каменной стеной бешеные волны маоистской «культурной революции». Так было и с историком Го Можо, дети которого стали жертвами этой революции, а он и не посмел под-

чекских судьб, столь причудливо и драматически изменившихся за годы «выселения – подселения». Складывалось весьма грустное впечатление, что этот памятник истории китайского градостроительства с остатками его социальной культуры как целостное живое явление обречён. Сохранившаяся, по сути средневековая, система коммуникаций, подразумевающая отсутствие в огромном большинстве случаев канализации и нормального водоснабжения, отопление кустарными угольными печками во время пекинской зимы, которая по суровости иногда не уступает московской, очевидная перенаселённость и кардинальная перепланировка внутренних дворов усадеб делали крупномас-

нять голоса, с писателем Мао Дунем, отложившим своё перо почти на четверть века вплоть до своей кончины, с художником всемирного значения Ци Байши, который, правда, в силу очень преклонного возраста не дожил до худших времен...

В Пекине в разные годы мне доводилось неоднократно бывать в гостях у китайских друзей и коллег, проживающих в таких перестроенных усадьбах, а порой, соскочив с велосипеда в каком-нибудь пропылённом хутуне, беседовать с сидящими у входа во внутренний двор стариками. В тех случаях, когда люди охотно шли на контакт, разговор часто касался истории усадьбы и её окрестностей, прошлого и будущего старого Пекина, челове-

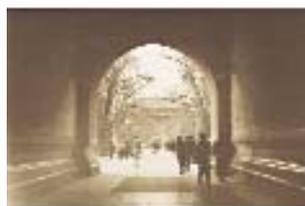
штабную историко-культурную реконструкцию этих районов города не только крайне обременительной финансово, но и во многом невозможной технически. И тем не менее, обитатели хутунов, как правило, говорили о возможном сносе их жилищ с большой неохотой и неприязнью. Здесь чувствовались и пресловутая «ностальгия по коммуналкам», и естественное нежелание покидать малую родину, и обеспокоенность за исторический облик древнего города.

Противоположная точка зрения представлена молодым поколением пекинцев. Вспоминается любопытный эпизод. Некоторое время назад моя китайская знакомая – бывшая студентка русского факультета

Пекинского Университета, где мне довелось преподавать, впервые в жизни приехала в Москву. Однажды мы прогуливались по бульварному кольцу, к тому времени уже весьма основательно отреставрированному. Поинтересовавшись её впечатлениями, я получил неожиданный ответ: «Уж слишком не современно!». Такого рода оценки – не редкость. Высотные здания из стекла и бетона являются для многих молодых китайцев чуть ли не основными символами модернизации, а собственные традиции – в том числе и историко-архитектурные – не более чем дань патриархальной отсталости. Когда я поинтересовался у знакомого профессора-археолога, отчего так происходит, он сослался на последствия «культурной революции»: мол, поколению нынешних двадцати-тридцатилетних не было привито уважение к национальной истории и духовным ценностям.

По дороге к Тяньаньмэнь

В Пекине любимым моим занятием были велосипедные прогулки. Чаще всего я стартовал от центральных ворот университетского городка, расположенного в северо-западных предместьях. Выезжал, как правило, около девяти часов утра, когда велосипедный час пик уже шёл на убыль. Мой путь лежал на юг, вниз по проспекту Байшицяо – Мост из Белого Камня, мимо гостиничного комплекса «Дружба» (здесь в далёкие 50-е жили специалисты из Советского Союза), Центральной государственной библиотеки КНР и столичного спортивного комплекса в центральную часть города. Проспект за-

пружен самым различным транспортом,двигающимся без особой оглядки на дорожные правила. Это, кстати сказать, не есть отличительная черта Пекина или Китая. По моим наблюдениям, на автомобильных дорогах Азии вообще классические правила движения далеко не всегда в почете. И только благодаря осторожности водителей транспортный хаос не приводит к огромному числу происшествий и катастроф. В одном потоке движутся городские автобусы и легковые автомобили, грузовики и микроавтобусы, тысячи велосипедистов. Можно встретить даже запряжённые осликами повозки с дровами. Порой бывает жутковато наблюдать как, почти прижатая такой повозкой к борту автобуса, крутит педали своей двухколёсной машины молодая мама с малышом, устроившимся сзади неё в корзинке на багажнике. Гортанные крики кондукторов маршруток, зазывающих пассажиров, звуки клаксонов и гул моторов сливаются в единый поток звуков, окутанный облаками выхлопных газов и сухой пыли обочин...

Путей в центр города, на площадь Тяньаньмэнь, великое множество. Можно проехать ещё на юг и свернуть под прямым углом налево – на восток, чтобы продолжить путь до самой площади. А можно пересечь второе транспортное кольцо – бывший периметр стен Внутреннего города – и оказаться в старом Пекине или, вернее, среди того, что от него осталось. Хотя самих стен нет уже почти полвека, атмосфера здесь иная. Проезжая часть суживается, на дорогах становится совсем скученно. По обеим сторонам – чередование лавок,

соединённых между собой небольших рукотворных водоёма: Цяньхай – Переднее море, Хоухай – Последующее море и Сихай – Западное море. Когда-то они были составной частью искусственного водного пути, соединяющего Императорский город с водоёмами летнего дворца Ихэюань (Сад Справедливости и Гармонии) к северо-западу от Внешнего города. Ныне большей части этого водного пути уже нет. Там, где сливаются Цяньхай и Хоухай стоит белокаменный мостик с резными перилами, за свои очертания получивший название Мост Серебряного Слитка. Считается, что некогда с него открывался вид на дальние горы к северо-западу от Пекина, силуэты которых обрамлялись в ближней перспективе густой листвой плакучих ив. Проверить это в наши дни невозможно: панорама не видна за многоэтажными жилыми массивами. Справедли-

магазинов и харчевен, прямо на обочине – импровизированные велосипедные мастерские, тряпичные и книжные развалы. В проёмах переулков кое-где видны запылённые стены и крыши городских усадеб и храмов. Транспортный гул большой дороги смешивается с голосами хутунов – пронзительными криками продавцов риса, овощей и угля, развозящих свой товар на грузовых трехколёсных велосипедах, гомоном играющей ребятни, призывными возгласами продавцов популярных газет – «Вечерний Пекин» и «Телевизионный листок». Многие пекинцы говорили мне, что оживление экономической жизни в ходе последних реформ способствовало своего рода ренессансу традиционной хозяйственной и социальной атмосферы в городе.

Один из интереснейших районов старого Пекина, где историческая застройка сохранилась до наших дней практически полностью, это Шичахай – Море Многообразного Покоя. Он расположен в пределах второго кольца к северо-западу от бывшего Запретного города и представляет собой беспорядочное скопление городских усадеб в переулках-хутунах, окружающих три

воисти ради следует сказать, что и в прошлые века такой вид вряд ли открывался: мешала мощная стена Внутреннего города.

Здесь же, вблизи озёр, расположены ансамбли Барабанной и Колокольной башен (постройки XIII–XV вв.) – важные архитектурных ориентиров этой части Внутреннего города.

Далее на юг, за парком Цзиншань – Живописная гора – холм с беседкой на вершине, откуда открывается захватывающий вид на бывший Запретный город: волны загнутых углами вверх дворцовых крыш разного размера из золотой глазурованной черепицы. Оставляя по правую руку парк Бэйхай – Северное море, минуя множество перестроенных дворов и усадеб, можно добраться до северной оконечности площади Тяньаньмэнь.

Площадь представляет собой впечатляющее зрелище. Это уже не старый, а новый, социалистический Пекин. Архитектурный ансамбль Тяньаньмэнь несёт неизгладимый отпечаток времени её создания – второй половины 50-х – начала 60-х годов XX в. Это и массивные колонны Дворца народных собраний и Государственного истори-

ческого музея, и стела-памятник Народным героям, и огромный портрет Мао Цзэдуна над южными воротами бывшего Запретного города, и даже совершенно особенные гигантские фонарные столбы с громкоговорителями и огромными круглыми матовыми плафонами...

Обретения и утраты

В очередной раз оказавшись в китайской столице весной 1996 года, я обнаружил, что не узнаю некоторых мест. Хорошо знакомые по прежним посещениям районы традиционной пекинской застройки превратились в пыльные пустыри с горами строительного мусора. Ко времени, когда пишутся эти строки, более или менее целостно сохранившиеся архитектурные участки старого Пекина расположены к северу-западу от площади Тяньаньмэнь – район Сичэн – (Западный Город) и к югу от неё – районы Дачжалань – (Большой Забор) и Цяньмэнь – (Передние Ворота). Окрестности искусственных озёр Шичахай с усадьбами и Колокольной и Барабанной башнями даже превращены в своего рода туристическую зону, куда одетые в жёлтые безрукавки велорикши возят на прогулки иностранных гостей.

Полностью признавая необходимость и закономерность происходящего, нельзя, как мне кажется, не видеть двух серьёзных проблем. Существенно сократившиеся участки традиционной пекинской застройки, даже официально признанные историческими достопримечательностями и

зонами туризма, не подверглись скольконибудь значительной реконструкции. Их возможная утрата в будущем станет очень серьёзной историко-культурной потерей.

Административные и офисные высотки, многие из которых выглядят прямо-таки циклопическими (чего стоят, например, министерство транспорта, здание Ассоциации женщин КНР на восточном участке проспекта Чанъаньцзе или комплекс нового пекинского железнодорожного вокзала), никак не вписываются в общий облик города. Чередование переулков-хутоунов с морально устаревшей и не всегда эстетически привлекательной модернизацией составляет, на мой взгляд, самую серьёзную историко-архитектурную проблему современной китайской столицы.

Доцент пекинского университета, специалист по истории градостроительства Яо Хуанцин в разговоре со мной высказывал даже крайнюю точку зрения: концепция современной китайской архитектуры вообще ещё не сложилась. К примеру, высотная застройка новой свободной экономической зоны Пудун в Шанхае, – считает Яо Хуанцин, – это оправданная и хорошо выполненная дань глобализации, но ничего специфически китайского в этом нет. Подобное можно увидеть в Нью-Йорке и Торонто, Берлине и Токио. Что касается Пекина, то здесь требуются иные, более традиционные архитектурные решения. Старый город постепенно уходит, а новый мегаполис еще не сформировался. Так что только будущее покажет, на что осядет пыль старого Пекина.

